

УДК 327(470)+(517.3)
ББК 66.4(2 Рос)+(5Мон)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ РУКОВОДСТВА РОССИИ И МОНГОЛИИ К ДВУСТОРОННИМ ОТНОШЕНИЯМ ¹

В.А. Родионов

В статье исследуются вопросы, связанные с причинами и характером изменений в подходах российского и монгольского руководства к двусторонним отношениям. Выявляется роль экзогенных и эндогенных факторов в этом процессе. Определяются сильные и слабые стороны российской стратегии в отношении Монголии.

Ключевые слова: российско-монгольские отношения, внешнеполитическая концепция, эволюция подходов.

Системные изменения в России и Монголии начала 1990-х гг. привели к пересмотру концептуальных основ внешней политики обеих стран. После распада Советского Союза дальнейшие взаимоотношения Российской Федерации и Монголии стали осуществляться в рамках иных, отличных от социалистической эпохи механизмов взаимодействия и ценностных ориентиров. При этом сама по себе постсоциалистическая эпоха российско-монгольских отношений не представляет собой единого, не делимого на определенные отрезки временного континуума и вмещает в себя несколько неравнозначных по своему содержанию периодов.

При анализе формирования и развития внешнеполитических подходов двух стран необходимо учесть одну из важных характеристик российско-монгольских отношений – асимметричность, вытекающую из несопоставимости политического, военного, демографического, экономического и иных потенциалов двух стран: достаточно напомнить, что население Монголии в 50 раз меньше населения России. Поэтому место Монголии в системе внешнеполитических приоритетов РФ несопоставимо с местом РФ в системе внешнеполитических приоритетов Монголии.

Одним из первых международных нормативно-правовых актов, зафиксировавших значительные изменения в двусторонних отношениях, стала подписанная 12 февраля 1991 г. Декларация о дружбе и добрососедском сотрудничестве между РСФСР и МНР. В ней, в частности, был провозглашен взаимный отказ от идеологического подхода к вопросам двусторонних отношений [15, с. 98].

Подписанный 20 января 1993 г. президентами стран Б.Н. Ельциным и П. Очирбатом Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между РФ и Монголией стал наглядным свидетельством изменившегося кардинальным образом характера отношений между Москвой и Улан-Батором. Данный Договор пришел на смену советско-монгольскому Договору о дружбе и взаимопомощи 1966 г., который вплоть до 1993 г. являлся базовым международно-правовым документом, регулировавшим двусторонние отношения между двумя странами (далее – Договор 1966 г. и Договор 1993 г.).

Ключевым пунктом Договора 1966 г. являлось обязательство одной из сторон прийти на помощь другой в случае военного нападения третьей стороны [13, с. 14]. По этой причине данный Договор может быть отнесен к такому типу международной безопасности, как «коллективная оборона». Для системы коллективной обороны, объединяющей государства региона и направленной против внешнего по отношению к участникам этой систе-

мы противника, по мнению специалистов [6; 12], характерны:

- наличие противника или, по крайней мере, представление о том, кто есть противник;
- система гибкого реагирования и передовой обороны;
- концепция военной реакции на ту или иную ситуацию.

В соответствии с указанными признаками коллективной обороны можно сказать:

- что в качестве потенциального врага обеих сторон Договора имелась в виду, в первую очередь, КНР, отношения с которой в 1960–1970-е гг. были крайне напряженными;
- система гибкого реагирования и передовая оборона включали в себя рассматриваемые советской стороной варианты нанесения упреждающих ударов по объектам на территории КНР;
- наличие внушительной советской военной группировки на советско-китайской и монголо-китайской границах служило условием военной реакции на агрессивные действия предполагаемого противника.

Таким образом, Договор 1966 г., основанный на принципах коллективной обороны, был сосредоточен на военно-политических аспектах сотрудничества между странами и в целом соответствовал советским и монгольским представлениям о методах обеспечения собственной безопасности и безопасности союзных государств.

Сама формулировка Договора 1993 г. свидетельствует о его принципиальном отличии от предшествующего Договора 1966 года. В нем отсутствует статья о прямой военной поддержке в случае агрессии против одной из сторон. В качестве мер сотрудничества, при возникновении угрозы безопасности одной из сторон, обозначены «незамедлительные консультации» (ст. 5) [1, с. 4]. Также Россия заявила о своем «уважении к политике Монголии, направленной на недопущение размещения на ее территории и транзита иностранных войск, ядерного и других видов оружия массового уничтожения» (ст. 4) [там же, с. 3]. Иными словами, российская сторона впервые за многие десятилетия переставала быть га-

рантом военно-политической безопасности Монголии.

Концептуальные изменения в представлениях российского и монгольского руководства о путях обеспечения региональной безопасности объяснялись причинами как внутреннего, так и внешнего порядка.

К внутренним причинам следует отнести общую устремленность Москвы и Улан-Батора к демилитаризации своих внешнеполитических отношений и сосредоточенность на решении внутренних проблем социально-экономического блока. Соответствующие задачи были закреплены в Концепции внешней политики РФ 1993 года [4]. Россия значительно сократила боевой состав Тихоокеанского флота, снизила уровень военного контингента вдоль китайской границы, в 1992 г. окончательно вывела свои войска с территории Монголии, находившиеся там по Договору 1966 года. Монголия, начиная с 1992 г., объявила свою территорию «зоной, свободной от ядерного оружия» [18, р. 14].

Внешней причиной изменившегося характера отношений стало снятие напряженности в отношениях между Москвой и Улан-Батором, с одной стороны, и Пекином – с другой. В результате степень озабоченности России и, в первую очередь, Монголии проблемой военной безопасности («жесткого» аспекта) значительно снизилась, уступив первое место заинтересованности в экономическом, социальном, культурном и ином развитии. Возникли предпосылки для увеличения внимания к комплексу невоенных аспектов обеспечения безопасности, то есть «мягких» аспектов, включающих в круг основных вопросов усилия по предупреждению загрязнения окружающей среды (шире – проблемы экологии), шаги по ограничению наркотрафика и производства наркотиков, меры борьбы с международной, в том числе трансграничной преступностью и усилением контроля над миграционными потоками, и многое другое.

Таким образом, Договор 1993 г. по своему содержанию явился констатацией изменившегося характера взаимоотношений – от союзнических к добрососедским. С одной стороны, это объективно снижало уровень взаимодействия между странами. Так, по мнению ведущего отечественного монголоведа Г.С. Яс-

киной, Договор 1993 г. приобрел «нейтралистский характер, фактически уравнивал Россию в восприятии Монголии со всеми остальными ее внешнеполитическими партнерами» [16, с. 35]. Более того, в отличие от монголо-китайского Договора 1994 г. о дружественных отношениях и сотрудничестве, являющегося бессрочным, российско-монгольский договор был подписан на 20 лет с возможностью дальнейшего его продления.

С другой стороны, по всем формальным признакам Договор 1993 г. на фоне нескольких предыдущих лет «затишья» в российско-монгольских отношениях, связанных с распадом СССР и демократической революцией в Монголии, был шагом вперед. На тот момент далеко не со всеми своими соседями Россия имела подобный договор. Основные условия и общий характер Договора 1993 г. отвечали заявленным Москвой и Улан-Батором внутри- и внешнеполитическим целям и задачам после дезинтеграции социалистического блока. Договор способствовал расширению правовых основ сотрудничества между РФ и Монголией.

Однако практическая сторона российско-монгольских отношений первой половины 1990-х гг. оставляла желать лучшего. Объявленное Москвой и Улан-Батором стремление к сотрудничеству в различных областях на практике практически не осуществлялось. Степень активности Москвы на монгольском направлении оказалась крайне низкой. Наглядным подтверждением этого является интенсивность дипломатических контактов между сторонами. Так, в период с 1991 по 1995 г. только один отечественный чиновник в ранге не ниже министра совершил официальный визит в Монголию [7, с. 183–190].

Один из мотивов прохладного отношения Москвы к связям с Улан-Батором заключался в нацеленности российской внешней политики в первой половине 1990-х гг. на построение «особых отношений» с Западом при фактическом игнорировании иных направлений. Во многом в связи с этим российское руководство, в первые постсоветские годы стремившееся оттолкнуться от всего, что связывало страну с коммунистическим прошлым, весьма неохотно шло на развитие взаимоотношений с Монголией, у власти в которой по-

прежнему находилась Монгольская народно-революционная партия (МНРП), пусть и значительно изменившая свою идеологическую платформу.

Улан-Батор в первые годы реформ рассматривал дистанцирование от Москвы в качестве неотъемлемой составляющей стратегии расширения своих международных связей и диверсификации собственной внешней политики. Например, введение по инициативе монгольской стороны визового режима с Россией фактически шло вразрез со ст. 11 Договора 1993 г., согласно которой стороны обязались «всемерно способствовать расширению контактов между гражданами обеих Сторон» [1, с. 5]; визовый режим поставил Россию на один уровень с другими иностранными партнерами Монголии. Политика «самостоятельности», инициированная первым постсоциалистическим правительством Д. Бямбасурэна в начале 1990-х гг., привела к вытеснению из страны всех советских/российских специалистов, строителей, консультантов. Критика социалистического периода монгольской истории, ставшая обязательным атрибутом демонстрации приверженности демократическим ценностям, нередко означала критику советско-монгольских отношений с заострением внимания на их негативных моментах.

Очевидно, что все это не способствовало развитию конструктивного сотрудничества между странами. Подобные шаги Москвы и Улан-Батора наводили на мысль о том, что обе стороны стремились к отношениям «с чистого листа», игнорируя опыт и багаж сотрудничества предыдущих десятилетий, что в корне противоречило зафиксированному в преамбуле Договора 1993 г. указанию на «традиции дружественных отношений, взаимного доверия и многогранного сотрудничества между народами двух стран». Фактически внешнеполитические векторы России и Монголии в первой половине 1990-х гг. являлись разнонаправленными, что не способствовало налаживанию эффективного сотрудничества между странами. Ситуация усугублялась тяжелейшим социально-экономическим кризисом, охватившим страны в начале 1990-х годов.

В то же время стоит отметить, что для монгольской стороны даже в начале 1990-х гг. отношения с Россией оставались крайне важ-

ными. В принятой в 1994 г. Концепции внешней политики Монголии отношениям с Россией, наряду с Китаем, отдавался наибольший приоритет [17, р. 12]. В отличие от бывших социалистических стран Восточной Европы, Монголия в силу объективных причин (территориально-географической расположенности страны между Россией и Китаем и ее удаленности от иных альтернативных центров силы, относительной периферийности интересов западных стран в этом регионе в сравнении с Восточной Европой) не имела возможности, опираясь на иные великие державы, полностью дистанцироваться от своего северного соседа. Как отмечает известный российский монголовед А.С. Железняков, «если восточноевропейские государства – бывшие члены Варшавского договора могли пойти на риск ухудшения отношений с СССР/Россией, чтобы начать сближение с Западной Европой, то Монголия не могла себе этого позволить из опасений подрыва национальной безопасности» [2, с. 109].

В рамках новой внешнеполитической линии Москвы второй половины 1990-х гг., связанной прежде всего с именем Е.М. Примакова, было положено начало активизации политических контактов с Улан-Батором. В середине 1990-х гг. к политическому руководству России постепенно пришло понимание важности более интенсивного взаимодействия с бывшим союзником по социалистическому блоку. Этому способствовали как усиливавшееся с каждым годом внимание к Монголии со стороны ведущих региональных держав, так и возросшее значение пригранично-регионального уровня российско-монгольских отношений.

Не случайно, что одной из трех стран Азии, которые первыми посетил с официальным визитом глава российского МИД Е.М. Примаков осенью 1996 г., стала Монголия. В подписанном во время его пребывания в Улан-Баторе монголо-российском коммюнике обе стороны подтвердили свою заинтересованность в дальнейшем обновлении и укреплении договорно-правовых основ двусторонних отношений [15, с. 191]. Именно в 1996 г. началось возобновление практики российских визитов на высоком уровне в Монголию. В феврале 1999 г. нанес официальный визит в Монголию новый министр

иностраннных дел И.С. Иванов. В результате этих визитов были подняты такие важные вопросы в отношениях стран, как неопределенность дальнейшего статуса совместных российско-монгольских промышленных предприятий, высокие российские тарифы и пошлины на монгольские товары, судьба советского имущества на территории Монголии и ряд других.

Следует признать, что многие важные проблемы и вопросы, накопившиеся между Москвой и Улан-Батором за долгие годы, продолжали оставаться нерешенными, ряд договоренностей и соглашений существовали только на бумаге, не переходя в практическую плоскость. Наиболее уязвимой сферой российско-монгольских отношений продолжала быть торгово-экономическая. Объем товарооборота между двумя странами являлся крайне низким, российская доля в экспорте/импорте Монголии продолжала стремительно уменьшаться – с 1 233,7 млн долл. в 1990 г. до 198 млн долл. в 1999 году [8, с. 177]. Для выхода политических отношений России и Монголии на более высокий уровень сотрудничества была необходима активизация, прежде всего, российской стороны, подкрепленная соответствующими политико-дипломатическими, экономическими, организационными возможностями РФ.

Экономический подъем в России 2000-х гг., предание ее внешней политике большей сбалансированности и прагматизма стали предпосылками для интенсификации российско-монгольских отношений. Официально концептуальные сдвиги во внешней политике были отражены в принятой 28 июня 2000 г. новой концепции внешней политики РФ. Гораздо большее внимание, в сравнении с концепцией 1993 г., было уделено региональному уровню внешнеполитической деятельности России; условиями обеспечения национальной безопасности страны были названы ее стабильное и безопасное международное окружение, а также продвижение и закрепление политических и экономических позиций РФ на мировой арене на основе использования механизмов регионального сотрудничества [5, с. 110].

Монголия, со своей стороны, в первые годы XXI в. под влиянием ряда существенных факторов также встала на путь коррекции своей стратегии в отношениях с Россией. Рост интереса в Монголии к сотрудничеству

с Россией во многом связан с усилившимся влиянием Китая. Доля Китая во внешней торговле с Монголией к 2008 г. достигла 44 % [10, с. 11–12], крупные китайские компании все активнее внедряются в добывающий сектор страны. Учитывая традиционные, привнесенные историей, страхи монголов в отношении своего южного соседа, по-новому актуализировалась проблема поиска внешнего противовеса КНР. На фоне незначительной доли торгово-экономических связей с внерегиональными партнерами именно РФ стала рассматриваться как наиболее вероятная сила, способная составить конкуренцию китайскому капиталу и экономически уравновесить его. Россия уже в силу географического соседства представлялась самой заинтересованной стороной в деле удержания Монголии вне сферы монопольного китайского влияния.

Знаковым событием, положившим начало качественно новому этапу в развитии российско-монгольских отношений, стал визит В.В. Путина в Монголию в ноябре 2000 года. Приезд российского главы был первым событием такого уровня за последние 26 лет, когда в 1974 г. в Улан-Батор приезжал лидер Советского Союза Л.И. Брежнев. По этой причине визит В.В. Путина становился для монгольской стороны особенно долгожданным событием. В ходе встречи В. Путина с президентом Монголии Н. Багабанди была подписана Улан-Баторская декларация, включившая в себя стремление сторон к либерализации торговли и установлению льготных тарифов, пошлин и других сборов, облегчению визового режима, транспортным перевозкам между Россией, Монголией и Китаем, координации деятельности советов безопасности, правоохранительных, пограничных и таможенных органов и т. д. Стороны подтвердили свои совпадающие позиции по ключевым вопросам международных отношений и безопасности [14]. Но самым главным итогом явился сам факт подобного визита, значительно улучшившего психологический фон российско-монгольских отношений и придавшего новый импульс для их дальнейшего развития.

Следующим шагом в направлении активизации взаимоотношений стал визит главы российского правительства М.М. Касьянова в марте 2002 г., который также был первым

на уровне главы правительства после 1971 года. Основными результатами визита, отраженными в итоговом коммюнике и на состоявшейся после переговоров пресс-конференции, явились конкретные договоренности: о либерализации и расширении торговли, доведении товарооборота в короткие сроки до 250 млн долл., а затем и до 500 млн долл. в год, об участии российских компаний в газификации Монголии, об участии российских железнодорожников в прокладке «дороги тысячелетия», о производственном кооперировании в горнорудной, энергетической и других областях [9]. Следует отметить, что визиты В.В. Путина и М.М. Касьянова напрямую способствовали успешному разрешению такой острой проблемы в двусторонних отношениях, как монгольская задолженность России, доставшаяся еще с социалистических времен.

В дальнейшем взаимные визиты на высшем и высоком уровне стали носить регулярный характер. Официальные визиты в Монголию нанесли председатель правительства РФ М.Е. Фрадков (10–12 июля 2006 г.), председатель Совета Федерации Государственного собрания РФ С.М. Миронов (13–17 мая 2007 г.), ряд федеральных министров и глав ведомств. Визиты монгольской стороны в Россию на высшем и высоком уровне также перестали быть редкостью. Представители высшего руководства Монголии начали совершать визиты в Россию после своего назначения на эти должности. Так, в феврале 2002 г. Россия стала первой страной, куда во главе парламентской делегации нанес официальный визит новый председатель монгольского парламента С. Тумур-Очир. В течение весны 2008 г. нанесли официальный и рабочий визиты в Москву премьер-министр С. Баяр (10–12 апреля) и президент Н. Энхбаяр (15–18 мая).

В ходе визита в Россию в первой половине декабря 2006 г. президента Монголии Н. Энхбаяра была подписана Московская декларация (8 декабря 2006 года). Кроме того, российский и монгольский президенты подписали такие важные документы, как Договор о режиме российско-монгольской государственной границы; Программа по развитию российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества на 2006–2010 гг., главной целью которой было обозначено доведение к

2010 г. объема взаимной торговли до уровня 1 млрд долл.; Меморандум о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта; Программа сотрудничества между Российским Федеральным агентством по культуре и кинематографии (Российская Федерация) и Министерством образования, науки и культуры Монголии на 2006–2008 гг. и ряд других. Главной особенностью Московской декларации стала впервые упомянутая в российско-монгольском межгосударственном документе фраза о стремлении сторон к повышению эффективности двустороннего взаимодействия в «духе отношений *стратегического партнерства* (выделено нами. – В. Р.), предполагающего вывод многогранных связей между странами на еще более высокий и качественно новый уровень» [11].

Таким образом, в первой половине 2000-х гг. РФ совершила своеобразный дипломатический прорыв в монгольском направлении, активизировав и интенсифицировав политические контакты на высшем уровне. Подобное стремительное восстановление высокого уровня политических взаимоотношений между Россией и Монголией в какой-то мере стало проявлением эффекта «обратной отдачи». Рано или поздно, но ситуация, близкая к «застою» в отношениях, должна была завершиться. Темпы и кажущаяся легкость, с которыми произошло политическое сближение между странами, во многом компенсировали крайне неудовлетворительный уровень развития российско-монгольских отношений в 1990-е годы. Такие факторы, как усилившееся влияние на Монголию третьих стран, наличие у российской стороны значительной материальной (в частности, крупные совместные российско-монгольские предприятия «Эрдэнэт», «Монголросцветмет», «Улан-Баторская железная дорога») и историко-психологической базы для восстановления высокого уровня отношений объективно играли на руку Москве и облегчали процесс сближения.

Со второй половины 2000-х гг. российско-монгольские отношения вступили в новый этап, когда достигнутые успехи в политической сфере потребовали своего закрепления в сфере экономического взаимодействия, претворения в жизнь планов по торгово-экономи-

ческому сотрудничеству, объявленных в предыдущие годы. Однако на этом направлении стороны столкнулись с рядом проблем, продемонстрировавших то, что за годы после распада СССР отечественные экономические позиции в Монголии не просто ослабли, но во многом были утрачены. В торгово-экономических отношениях с монгольским соседом Россия практически потеряла доступ к управлению экономической повесткой дня, оказавшейся в руках китайского, японского, американского бизнеса. Надежды российской стороны на то, что право на разработку крупнейших месторождений угля (Таван Толгой), меди и золота (Оюу Толгой), урана (Дорнод) будет отдано ей, пока не оправдываются. Данные проблемы поставили перед российской и монгольской сторонами новую важную задачу, в целом соответствующую общей стратегической цели двух стран – приведение уровня торгово-экономических отношений в соответствие с достигнутым высоким уровнем политического взаимодействия.

Увеличение взаимного внимания сторон друг к другу пришлось на время практической монопольно правившей в Монголии МНРП (с 2000 по 2004 г.). По-видимому, у российских властей сложилось представление о том, что эта партия, учитывая ее давние связи с Россией, является главной «пророссийски настроенной силой» в Монголии. Тем более, что в переговорах с российской стороной МНРП периодически использует этот имидж «пророссийски настроенной силы», противопоставляя себе оппозиционные партии, изображая их в качестве недоброжелателей России, сторонников исключительно прозападной ориентации, что не всегда является отражением действительности.

В сравнении с МНРП такие партии, как Монгольская демократическая партия, Монгольская социал-демократическая партия, партия «Гражданская воля» в меньшей степени позиционируют себя в качестве сторонников дружественных отношений с Россией, склоняются к тесному сотрудничеству со странами Запада, в первую очередь с США. В то же время не следует преувеличивать прозападные и антироссийские настроения руководства данных партий. Полемика основных монгольских партий по вопросу о внеш-

неполитических приоритетах является в значительной степени конъюнктурной и объясняется главным образом закономерностями партийно-политической борьбы. В ходе избирательной кампании критика оппонента, в том числе и его внешнеполитических шагов, является органической частью политического процесса. Что же касается существа вопроса, то на деле разногласия не затрагивают основ внешней политики Монголии. Наличие разногласий по отдельным аспектам внешней политики не оказывает заметного влияния на выработку и реализацию единого стратегического курса Монголии. Большинство государственных и общественных деятелей, независимо от их партийно-политических предпочтений, признают необходимость проведения многовекторной политики при опоре и на Россию, и на Китай, и на Запад, не отдавая особого предпочтения ни одному из центров силы.

До последнего времени Россия не всегда эффективно действовала в отношениях с Монголией. Фактически открыто поддерживая только одну партию – МНРП, российское руководство кладет, образно выражаясь, «все яйца в одну корзину», что в условиях часто меняющейся внутривекторной ситуации в Монголии недальновидно. Ошибочность данной тактики наглядно продемонстрировали последние выборы президента Монголии 2009 года. Победу одержал кандидат от демократической партии Цахиагийн Элбэгдорж, опередивший действующего на тот момент президента Намбарына Энхбаяра (МНРП), не официально, но явно поддержанного российской стороной в ходе визита В.В. Путина в мае 2009 г. в Улан-Батор. В результате оказались значительно завышены прозападные настроения Ц. Элбэгдоржа, который, в первую очередь, является прагматиком, ориентирующимся на собственные интересы. В своем выступлении во время инаугурации Ц. Элбэгдорж заявил, что «продолжит политику укрепления дружеских отношений со странами мира, в особенности по упрочению добрососедских связей с двумя соседними государствами» [3], тем самым подтвердив приверженность многовекторности во внешней политике.

В заключение нужно сказать следующее. Для самой Монголии активное взаимодей-

ствие с Россией в политической, военной, экономической, научно-культурной областях по существу является частью ее стратегии национальной безопасности. Разнообразные проблемы Монголии (экономические, энергетические, социальные, политические) не могут быть решены без активного участия России.

России, в свою очередь, важно не стремиться к монополю или доминирующему влиянию на Монголию. Отстаивая свои легитимные интересы, связанные с экономическим развитием и безопасностью, России вряд ли целесообразно вступать в прямое столкновение с иными государствами из-за влияния на Монголию или побуждать ее к однозначному выбору между «пророссийским», «прокитайским» или «прозападным» путями развития. В этой связи особенно важно вписаться в выбранную Монголией стратегию взаимоотношений с внешним миром. Непонимание того факта, что страна стремится действовать в рамках многовекторной политики, может свети на нет все те преимущества, что еще остались после дезинтеграции социалистического блока. Необходимо понять, что для России в Монголии больше не существует особых (эксклюзивных) преференций при выходе на основные рынки сырья, промышленных объектов и услуг. Она является одной (пусть и значимой) из нескольких участников конкурентной борьбы. Отсюда главная задача для российского руководства и отечественного бизнеса – быть готовыми к ведению этой конкурентной борьбы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Российское присутствие в Монголии: модернизация “советских” институтов на “постсоветском” пространстве», проект № 09-03-00395 а/р.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. Москва, 20 янв. 1993 г. // Дипломатический вестник. – 1993. – № 3–4. – С. 3–6.
2. Железняков, А. С. Монголия социалистическая и постсоциалистическая / А. С. Железняков // Восток. – 1996. – № 6. – С. 107–110.

3. ИТАР-ТАСС. – 2009. – 22 июня.
4. Концепция внешней политики РФ. 1993 год // Внешняя политика и безопасность современной России : хрестоматия. В 4 т. Т. 4 / сост. Т. А. Шаклеина. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 21–50.
5. Концепция внешней политики РФ. 28 июня 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России : хрестоматия. В 4 т. Т. 4 / сост. Т. А. Шаклеина. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 109–121.
6. Мальгин, А. В. К обеспечению региональной стабильности в СНГ / А. В. Мальгин // Россия и международные режимы безопасности. – М. : МОНФ, 1998. – 119 с.
7. Монгол-Оросын харилцаа. Бусчилсэн хшгжлийн бодлого, хамтын ажиллагаа / ред. С. Дамдинсурега, К. Дэмбэрэла. – Улаанбаатар : Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн олон улс судлалын хурэллэн, 2005. – 216 с.
8. Монгол улсын статистикийн бюллетень. 2000. – Улаанбаатар : Адмон, 2001. – 257 с.
9. Монгольское центральное телеграфное агентство (МОНЦАМЭ). – 2002. – 28 марта.
10. Монголын гадаад худалдааны тойм (2008 оны эцсийн байдлаар). – Улаанбаатар : Адмон, 2009. – 83 с.
11. Московская Декларация, подписанная президентом России В.В. Путиным и президентом Монго-

лии Н. Энхбаяром 8 декабря 2006 г. в Москве // Официальный сайт Президента России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/12/08/1726_type72067_115119.shtml?type=72067.

12. Петровский, В. Е. Азиатско-Тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия / В. Е. Петровский. – М. : Памятники истор. мысли, 1998. – 264 с.
13. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. В 2 т. Т. 2. – М. : Междунар. отношения, 1979. – 258 с.
14. Улан-Баторская декларация. Улан-Батор, 14 нояб. 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России : хрестоматия. В 4 т. Т. 4 / сост. Т. А. Шаклеина. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 514–518.
15. Яскина, Г. С. Монголия и внешний мир / Г. С. Яскина. – М. : ИВ РАН, 2002. – 370 с.
16. Яскина, Г. С. Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы / Г. С. Яскина. – М. : ИВ РАН, 1994. – 173 с.
17. Concept of Mongolia's Foreign Policy // The Mongolian Journal of International Affairs. – 1995. – № 2. – P. 7–17.
18. Enkhsaikhan, J. Mongolia's Non-nuclear Status – An Important Element of Foreign Policy / J. Enkhsaikhan // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – № 13. – P. 9–16.

ON EVOLUTION OF RUSSIAN AND MONGOLIAN LEADERSHIP APPROACHES TO BILATERAL RELATIONS

V.A. Rodionov

The problems connected with reasons and character of Russian and Mongolian bilateral relations' approaches are considered in the paper. The author researches the role of external and internal factors in Russian-Mongolian relations' evolution, defines strength and weaknesses of the Russian strategy towards Mongolia.

Key words: *Russian-Mongolian relations, concept of foreign policy, evolution of approach.*